

С.Т. Голубев

**Киевская академия в конце XVII и начале
XVIII столетий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.Т. Голубев**
Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетий / С.Т. Голубев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 111 с.

ISBN 978-5-4241-8376-8

Речь, произнесенная на торжественном акте Киевской Духовной Академии 26 сентября 1901 года.

ISBN 978-5-4241-8376-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

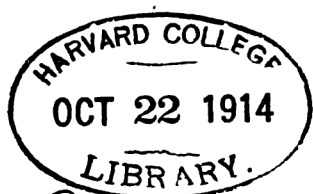
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Educ 6170.5

*

Great fund

Печатать дозволяется. 6 ноября 1901 г.

Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Дмитрій.*

Кієвокая Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.

(Рѣчь, произнесенная 26 сентября 1901 г. на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 26 сентября 1701 года, нашей *Almae Matris* впервые въ официальномъ документѣ, Высокомонаршей грамотѣ, усвоено было названіе *Академіи*. Событіе это для историковъ Кіевской Академіи служитъ основаніемъ начинать съ означеннаго времени новый періодъ ея историческаго прошлаго. Двухсотлѣтіе сего событія, падающее на нынѣшній день,—день торжественнаго акта нашей Академіи,—служитъ для меня побужденіемъ перенестись мыслию къ этому прошлому. Я имѣю честь предложить Вашему просвѣщенному вниманію рѣчь на тему о томъ, чѣмъ была наша Академія двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Послѣ кончины приснопамятнаго фундатора кієво-могилянской коллегіи, митрополита Петра Могилы, ея матеріальныя средства и научныя силы быстро стали умаляться. Для коллегіи невознаградима была уже самая утрата науколюбиваго митрополита, неусыпно заботившагося объ ея процвѣтаніи

и щедро надѣлявшаго ее матеріальными средствами. Но еще ббльшій ударъ благосостоянію коллегіи нанесли начавшіяся послѣ сего смуты и „междоусобныя брани“ въ Малороссіи, причемъ Кіеву нерѣдко приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть бурнаго времени. Междоусобныя брани не прекратились и послѣ воссоединенія Малой Россіи съ Великою. Во время одной изъ такихъ браней (1658 г.) уничтожена была пламенемъ значительная часть „города Кіева“ (Подола), а при этомъ и Братскій монастырь съ находившимися здѣсь церквами и коллегіею¹⁾. „*Ни единого имѣ покоя плоть наша*—заявляетъ тогдашній ректоръ кіево-могилянскій коллегіи Іоаннѣй Галятовскій—*внѣ уду брани, внутрь уду страхи*²⁾.—Къ этимъ стихійнымъ несчастьямъ присоединились столкновения помянутаго Галятовскаго съ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ, —человѣкомъ по тому времени довольно образованнымъ, но преслѣдовавшимъ исключительно личные интересы, которые не всегда сходились съ интересами кіевскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе „оскорбленій и гоненій“, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ на Галятовскаго, послѣдній вынужденъ былъ удалиться въ Галицію и скитаться по разнымъ, отдаленнымъ отъ Кіева городамъ, а коллегія, въ это тяжелое для нея время, около двухъ лѣтъ оставалась безъ ректора³⁾. Но самый смертельный ударъ коллегіи рѣшилось было нанести московское правительство. Утомленное продолжительною борьбою съ Польшею изъ-за обладанія Малороссіею, видя во многихъ малороссіянахъ „шатость“ и „перелетство“, а въ средѣ кіевскихъ ученыхъ несочувствіе къ сосредоточенію церковной власти въ рукахъ московскаго патріарха,—московское правительство, въ то время еще съ недовѣріемъ относившееся къ западной наукѣ, опасалось, что въ кіево-могилянскій коллегіи, гдѣ въ основу преподаванія положены были латино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чуждыя московскимъ воззрѣніямъ. Поэтому, когда получено было въ

Москвѣ „челобитье“ о возобновленіи, т. е. о поддержаніи склонившихся къ „последнему оскудѣнію“ кіевскихъ школъ,— московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ, боярину Шереметеву, что *лучше бы тѣхъ школъ не заводить*, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“ ⁴⁾.—Но представители кіевской учености и вообще интеллигентные малороссы разсуждали объ этомъ иначе. Они смотрѣли на свою коллегію, какъ на свѣточъ, разсѣвавшій долго царившую въ Россіи тьму невѣжества и приравнивали ее „ко вторымъ Аѳинамъ“, которыя милосердый Богъ рукою митрополита Петра Могилы воздвигнулъ „на благо православной церкви и всего народа Россійскаго“. Въ Кіевѣ ревнители православія не о закрытіи школъ помышляли, но всемѣрно заботились о томъ, чтобы (какъ они выражались) „не угасла искра“ отъ возженнаго Петромъ Могилою свѣтильника науки и „сѣмя сей науки не было искоренено“ ⁵⁾. Такое настроеніе въ средѣ образованныхъ малороссіянъ, разумѣется, хорошо было извѣстно воеводѣ Шереметеву, и онъ на сдѣланное ему московскимъ правительствомъ предложеніе о возможности закрытія кіевскихъ школъ категорически отвѣчалъ: „Въ Кіевѣ школа (т. е. кіево-могилянская коллегія) заведена до пріѣзду моего... и перевести (т. е. упразднить) тое старую школу *никоторыми мѣрами нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе*“ ⁶⁾. Московское правительство должно было признать справедливость этого мнѣнія. Оно настаивало только, чтобы въ означенныхъ школахъ обучались кіевскіе жители, а „изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ“ никто въ нихъ принимаемъ не былъ, дабы отъ сего не произошло „*смуты и всякаго дурна*“ ⁷⁾.—Такимъ образомъ мрачная туча, угрожавшая было самому существованію коллегіи, миновала ее. Но тяжелыя раны, нанесенныя ей матеріальному благосостоянію, залечивались медленно.

Избранный, послѣ Галятовскаго, на ректуру въ коллегіи и соединенное съ нею кіево-братское игуменство, Варлаамъ Ясинскій былъ, по выраженію его учителя Лазаря Барановича, *плодоносною вѣтвію* (могилянскаго) *винограда* ⁸⁾,— былъ человѣкъ высокообразованный, дѣятельный, всецѣло преданный интересамъ вѣрренныхъ его управленію и попечительству учреждений, всемѣрно заботившійся о приведеніи ихъ къ благоустройству. Но ему приходилось дѣйствовать среди непрекращавшихся бурь политическихъ и нестроений церковныхъ. Ясинскій неоднократно обращался съ просьбами о коллегіи и въ Польшу ⁹⁾ (въ то время еще неизвѣстно было подъ чьєю властію окажется Кіевъ), и къ Московскому правительству, и ко многимъ вліятельнымъ лицамъ ¹⁰⁾; но выхлопотанныя имъ у польскаго короля грамоты, подтверждавшія права коллегіи и укрѣплявшія числящіяся за нею и монастыремъ помѣстья, реальнаго значенія не имѣли (такъ какъ Кіевъ навсегда остался во владѣніи московскаго государства), московское же правительство къ многочисленнымъ петиціямъ Ясинскаго отнеслось довольно холодно, предоставивъ обращаться съ этими петиціями (съ большинствомъ петицій) къ малороссійскому гетману ¹¹⁾,—и хотя послѣдній надѣлилъ кіево-братскій училищный монастырь довольно доходнымъ помѣстьемъ, удовлетворилъ нѣкоторыя и другія просьбы ректора ¹²⁾, но всѣ эти гетманскія милости далеко не соответствовали понесеннымъ коллегіею потерямъ. Поэтому монастырскія и училищныя зданія воздвигались съ большими трудностями, богослуженіе очень долгое время отпиривалось въ единственномъ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара 1658 г., маломъ трапезномъ придѣлѣ ¹³⁾ и только въ началѣ 1670 г.г. сооружена была въ обители небольшая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня.

Тяжкое бремя, возложенное въ это трудное время на Ясинскаго, усугублялось двойственностью его положенія—какъ ректора коллегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена монастыря.

Какъ челоѣкъ образованный и науколюбивый, онъ гораздо болѣе принималъ къ сердцу интересы коллегіи, чѣмъ монастыря. Это вызывало неудовольствія со стороны братіи, тяготѣвшей къ монастырю; неудовольствія перешли въ открытый ропотъ послѣ извѣстнаго несчастнаго случая—убіенія поляками въ братскомъ имѣніи Новоселкахъ трехъ братій, неблагоприятно посланныхъ туда Ясинскимъ ¹⁴),—и онъ—съ болью въ сердцѣ—долженъ былъ отказаться отъ ректуры и игуменства (1673 г.) ¹⁵).

Ближайшіе преемники Ясинскаго по своей заботливости о нуждахъ монастыря и коллегіи во многомъ уступали своему предшественнику, и хотя добрыя начинанія послѣдняго, направленные къ подъему учебной стороны коллегіи, стали приносить ожидаемые плоды ¹⁶), но матеріальное ея положеніе, несмотря на прояснявшійся политическій горизонтъ и непрекращавшіяся жертвы со стороны благотворителей, продолжало оставаться крайне бѣдственнымъ. „Монастырь—пишетъ очевидецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, бывшій въ означенное время питомцемъ коллегіи—монастырь, во время молодыхъ моихъ лѣтъ, при Головичѣ и Гугуревичѣ и другихъ ректорахъ,... былъ жаждень, и гладень, и хладень, и, чудо воистинну, какъ устоялъ!“... „А которая таковой бѣдности могла быть причина?“—ставитъ вопросъ Прокоповичъ, и отвѣчаетъ: „Незнаніе экономіи и не одно того незнаніе, но къ тому противныя, разорительныя поступки, начальныхъ нерадѣніе, лѣность, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ днеоцныхъ забавокъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ—непросыпшаемое пьянство, а другихъ—прилѣжныя кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія“ ¹⁷)... Особенно неблагоприятно должно было быть для коллегіи ректорство въ ней Ѳеодосія Гугуревича, челоѣка не безъ дарованій, но въ нравственномъ отношеніи быстро опускавшагося по наклонной плоскости, печально закончившаго свою жизнь

и еще болѣе печальную память оставившаго о себѣ въ потомствѣ ¹⁸⁾).

Съ начала 90-хъ г.г. XVII столѣтія для кіево-могилянско-й коллегіи наступають лучшія времена, и она быстро начинаетъ обновляться и внѣшне и внутренне. Въ 1690 году, послѣ кончины митрополита Гедеона Святополка-Четвертинскаго, на первосвятительскую кафедру кіевской митрополіи вступилъ бывшій питомецъ кіево-могилянско-й коллегіи и одинъ изъ достойнѣйшихъ ея ректоровъ, упомянутый Варлаамъ Ясинскій. Хорошо знакомый съ причинами „нестроеній“, подрывавшихъ благосостояніе коллегіи, новый митрополитъ, никогда неперестававшій участливо и сердечно относиться къ ней, озаботился о замѣщеніи освободившейся въ коллегіи ректуры лицомъ, способнымъ, по его выраженію, быть ея *благоразумнымъ и благочиннымъ устройте-лемъ*. Такимъ избранникомъ оказался состоявшій въ то время настоятелемъ кіево-никольскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій, тоже бывшій питомецъ коллегіи, довершившій свое образованіе въ заграничныхъ академіяхъ, человекъ большихъ дарованій и большой учености, много лѣтъ потрудившійся уже для воспитавшей его школы въ качествѣ профессора риторики, философіи и богословія ¹⁹⁾). Кроковскій вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и явился дѣйствительнымъ устройте-лемъ коллегіи и кіево-братскаго монастыря. Немедленно по вступленіи на ректуру онъ твердою рукою началъ приводить въ порядокъ распатанныя экономическія дѣла и, точно опредѣливъ имущественную наличность монастыря, позаботился объ ея укрѣпленіи путемъ официальнымъ, что, въ виду постоянныхъ столкновеній и споровъ изъ-за нѣкоторыхъ помѣстій, являлось дѣломъ неотложнымъ ²⁰⁾). Въ надежныя руки передано было имъ и наблюденіе за монастырскими доходами ²¹⁾). Но главною заслугою Кроковскаго для коллегіи было исходатайствованіе для нея передъ правительствомъ *правъ высшаго учебнаго заведенія*. Правами этими кіево-могилян-

ская коллегія при польскомъ владычествѣ не пользовалась или, точнѣе, пользовалась недолго, къ тому же *tacite*, не имѣя на то соответствующей грамоты²²). Привилеемъ короля, даннымъ православнымъ на сеймѣ 1635 года, въ коллегіи разрѣшалось обученіе свободнымъ наукамъ не дагѣ логики и діалектики²³). Поэтому преподаваніе богословія сливалось здѣсь съ курсами философскими, не было представляемо самостоятельною кафедрою. Затѣмъ среди бушевавшихъ волнъ политической и церковной бури коллегія не только не могла мечтать о расширеніи у себя преподаванія, но послѣднее, по временамъ, должно было сокращаться въ ней до *minimum*'а. Но съ половины 80-хъ г.г. XVII стол., несмотря на указанныя экономическія нестроенія въ коллегіи, научныя ея силы стали замѣтно возрастать. Въ ряду средствъ къ поднятію научнаго уровня коллегіи, предпринятыхъ Ясинскимъ въ бытность его здѣсь ректоромъ, было отправленіе „монастырскимъ коштомъ“ способныхъ „студентовъ“ для завершения образованія за-границу²⁴). Къ указанному времени эти даровитые юноши стали возвращаться на родину и занимать въ воспитавшей ихъ школѣ профессорскія должности, вслѣдствіе чего найдено было возможнымъ не только расширить курсы философскіе, но и ввести преподаваніе богословія, и когда послѣднее окончательно упрочено было въ коллегіи, Кроковскій нашелъ благовременнымъ обратиться къ московскому правительству съ ходатайствомъ о дарованіи ей болѣе широкихъ правъ.

Съ ходатайствомъ объ этомъ Кроковскій лично отправился въ Москву²⁵). Митрополитъ и гетманъ снабдили его рекомендательными письмами къ вліятельнымъ лицамъ и обширными челобитьями на имя государей о нуждахъ коллегіи. Въ челобитной гетмана, между прочимъ, выставялось на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только „вящее примноженіе хвалы Божіей“, но и „великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, все-

народная слава": ибо Кіевъ— „исконная отчина“ ихъ Величествъ.—Кроковскій принятъ былъ въ Москвѣ ласково, и 11 января 1694 года получилъ двѣ высокомонаршія грамоты, изъ коихъ одною укрѣплялись за кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ принадлежавшія ему помѣстья и угодыя въ границахъ, указанныхъ въ челобитной, а другою— *опредѣлялись права коллегіи*. За нею утверждалось право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе— философія и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей російскаго народа всякихъ чиновъ, но и „изъ иныхъ странъ приходящихъ“ („благочестивой греко-россійской вѣры“); она ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны военныхъ чиновъ и городского управленія, и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомошествованіе по 50 рублей и 50 четвертей ржи въ годъ²⁶). Но *Академію* въ этой грамотѣ кіево-могилянская коллегія еще не названа; не сказано здѣсь въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ и о предоставленіи ей собственнаго суда надъ учащимися. Последнее обстоятельство служило поводомъ къ частымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между коллегіатами и представителями свѣтской власти, въ особенности съ кіевскою ратушею. Въ 1699 году кіевскій войтъ, лично бывший въ Москвѣ, занесъ жалобу на коллегіатовъ и выхлопоталъ государеву грамоту, предоставлявшую кіевскимъ мѣщанамъ право „приводить въ приказную избу“ безчинствующихъ студентовъ, т. е. судить ихъ за проступки свѣтскимъ судомъ²⁷),— чѣмъ вскорѣ мѣщане и воспользовались, засадивъ провинившагося студента въ свою ратушную тюрьму, а отсюда препроводивъ для суда въ избу приказную. Обстоятельство это произвело сильное волненіе въ средѣ коллегіатовъ. Вся коллегія *in corpore*, т. е. какъ профессора, такъ и студенты, вошли къ митрополиту съ прошеніемъ, гдѣ, съ подробностями рассказавъ объ упомянутомъ случаѣ, заявляли, что учрежденіе, въ которомъ они учатъ и учатся, есть *Aka-*

демія и ей съ самага основанія присуци тѣ права свободы, т. е. самоуправленія и суда, которыми пользуются академіи „во всѣхъ государствахъ иновемскихъ“, поѣтому посягательства „мірскихъ властей“ на эти права составляютъ для нихъ, просителей, „тяжкую обиду“. Притомъ кіево-могилянская Академія находится подъ властію своего архипастыря (митрополита) и ему подсудна, мірскимъ же людямъ вступаться въ суды духовные есть дѣло съ одной стороны очень неприличное, а съ другой— „противное правиламъ святымъ и самому правилодавцу Богу“. Поѣтому профессора и студенты, припадая къ архипастырскимъ стопамъ, просили митрополита войти съ ходатайствомъ „къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу объ огражденіи ихъ отъ указанныхъ безчиненій и дерзости кіевскихъ мѣщанъ“ и другихъ свѣтскихъ лицъ, именно „*чтобъ студентамъ, аще бы какая вина и случилась за ними, судъ былъ въ Академіи*“²⁸).

Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій горячо отнесся къ этому: немедленно отправилъ челобитную на имя государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько просительныхъ писемъ, къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ²⁹). Особенно большія надежды кіевскій митрополитъ (и не безъ основанія) возлагалъ на содѣйствіе въ данномъ случаѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, тѣсными узами соединеннаго съ кіевскими учеными и въ то время, по своему общественному положенію, близко стоявшаго къ государю и придворнымъ сферамъ. „Всеусердно прошу—писалъ кіевскій митрополитъ рязанскому—благоволи святыня Ваша быти ближайшимъ ходатаемъ до пресвѣтлѣйшаго престола царскаго, якоже и Христось Господь бѣ ходатайствуя между Богомъ и человекомъ, и умоли благочестивѣйшаго государя, царя, премилостивѣйшаго монарха въ подаяніи *полномоцной грамоты и крѣпости...*, *чтобъ не имѣли отнынѣ мѣщане кіевскіе и господинъ генераль-губернаторъ верх-*